

Алексей Кудряшов

Былинки

Хождение под
Богом

Утилитарные
песни

Strokes
of
English

Элегии
и
заметки

Странничье

Песни

Предрассветность

16+

Алексей Валерьевич Кудряшов

Былинки и другие стихотворения

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65994705
SelfPub; 2021*

Аннотация

В книге собраны стихотворения из разных циклов автора. Здесь сказочные «Былинки», шутливо-усталые «Утилитарные песни», посвящения людям, местам, временам в «Странничье», эмоциональная тревога «Предрассветности», вера в человека в «Хождении под Богом», философские «Элегии и заметки» и даже проба пера на английском в Strokes of English. Кроме того, сделан подарок любителям музыки и представлены одиннадцать песен с гитарными аккордами. Этот сборник в какой-то мере благодарность потоку света, полученному из экстатической поэзии Руми, Рильке, Шекспира, Уитмена и Блейка, которые своими вдохновенными откровениями создают внутренний вектор мироощущения вселенской правды, неизбежного добра и видения чудесного в обыденном. Желаем вам приятного путешествия во внутренний мир этой книги, наполненной разнообразными событиями духовного и душевного измерений!

Содержание

Предисловие	5
Былинка	7
Я сегодня летал над городом	7
Околдованной Неве	9
Ночная фея	11
Новогодняя колыбельная	14
Забытый цветок	15
Ты – божественная звезда, растущая из жизни воды	16
Край зимы бескрайней	18
Я брожу неприкаянно	20
Головой вырастаю в выси	22
Толкаю воздух в вены	24
Без тебя	26
Я взял твою фотографию	28
Утилитарные песни	30
Лампочка	30
Ваза	32
Холодильник	34
Диван	36
Кладовка	37
Стол и стул	39
ADIEU	41

Загадка женщины	42
Тяга в уют	44
Эрато	45
Покаяние	47
Странничье	50
Поезд «Минск – Санкт-Петербург»	50
Майский дождь в Минске	52
Калейдоскоп	54
Часы преображения (её ночные заповеди)	56
В гербарий	57
Осенью	59
Новогодней суете	60
Взорам М	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Алексей Кудряшов

Былинки и другие стихотворения

Предисловие

Здравствуй дорогой читатель! Я рад приветствовать тебя на страницах этой книги. Она состоит из семи поэтических циклов и песен. Песни можно также послушать в моём исполнении на канале Ютуб, за которое заранее прошу великодушно меня простить: всё-таки я больше поэт, чем певец.

Как сказал Райнер Мария Рильке, писавший на немецком и русском, если убрать из стихотворения хоть одно слово, то оно начнёт кровоточить. Так и мои стихи родились – я им просто помог в этом, но не могу и не хочу ничего в них менять. Каждое стихотворение – это живое существо. Некоторые рождались в муках, а некоторые просто вылились наружу вместе со светом или страданием.

Основной посыл этого сборника – помнить, что ты не один, всегда с тобой есть свет, даже когда очень плохо... или хорошо. Многие стихи здесь об этом переживании и о том, что выше его, что может помочь, если отодвинуть тьму в сердце, которую мы все, люди, имеем и испытываем – ино-

гда с болью, иногда забываясь в угаре обыденности, иногда в поиске света и спасения.

Удачи тебе на твоём пути, дорогой читатель, и спасибо, что решил почитать или пролистать эти стихи, которые, надеюсь, тебе могут немного посветить в темноте нашей обыденной жизни.

Былинки

Я сегодня летал над городом

Я сегодня летал над городом,
Я сегодня купался в радости.
Отворилось мне небывалое,
Рассказав, что приходит за старостью.

И доверие, и недоверие
Остались внизу далеко –
Я сегодня летал к зимней радуге,
Распростёршейся в вечность мостом.

По мосту не ходила – лилася –
Фея дивная предвечной весны,
С головы до ног окатила всего
Фонтаном бесконечной любви.

Задыхаясь, но превозмогнув всё ж,
Устремился я в счастье к ней –
Закружила меня, веселилася,
В танце юности-ласки своей.

Над границую города серого
Я глядел в царство яркой любви
И смотрел, как потоком уныния
Превращаются тусклые дни

В безграничные дни наслажденья
Там, где грань меж миров пролегла,
Там, где ждёт нас всех воскресение,
И куда стремится душа.

Я проснулся от сна первозданного,
Чтоб навеки забыть тусклый быт,
И чтоб помнить – за гранью познанного
Меня любят и вечно зовут.

Околдованной Неве

В вечернем сумраке тумана
Над полузамёрзшей синевой
Горят огни, и, в ночь шагая,
Качает месяц головой.

На окна сыпет серебристо
Мороз свой свадебный узор,
И околдованной Невесте
Дарит белеющий простор.

Та внемлет повести унылой
Зимы, для сына же её
Застынувшей фатой накрыла
Своё недвижимое чело.

На перекинувшийся мост горбатый
Убор накинул хладный свет,
Златым полукольцом объятий
Скрепив супружеский обет.

Сгущённый воздух реку будит,
То дрогнет, вспомнив о былом,
И, завернув за угол, студит

Тоской окоченевший дом.

Запнувшись о деревья, встанет,
Слепой от брошенной любви,
Рвя заскорузлыми ветвями
Покровы звонкой тишины.

Полоской тонкою протянут
Чрез реку одинокий путь.
И лёд грозит, треща устало,
Открыть застуженную грудь.

Шум городской пробьётся смутно
Сквозь полотна седую муть.
Зовя меня к тебе обратно
Жизнь за туманы повернуть.

В вечернем сумраке тумана
Над полузамёрзшею Невой
Горят огни, и, в ночь шагая,
Качает месяц головой.

Мне глянет в очи он печально,
Повеет сказкой ледяной,
И станет холод обручально
Звенеть пьянящей синевой.

Ночная фея

Над вершиною серого дня ритм бьют ночные часы,
И лучами с небесного дна мне сияют две капли росы.

В их мерцаньи приюта намёк на темнеющем ложе из трав,
Где призывно, рыдая, поёт златогласая фея, упав.

Она ждёт, что герой к ней придёт, отворив тяжёлый замок,
И величье былое вернёт, возложив на главу ей венок.

Его шаг над землею звенит, приближая свободы час;
Да, он ищет, боготворит и отчасти уже её спас.

Он героем недавно стал, появившись на склоне дня,
Пробиваясь сквозь вязкий туман, что уводит обманно, гу-
бя.

Он идёт несмотря на страхи, и, шурша, опадают они,
Устилая дорогу к плахе, что багрово восходит вдали.

Разве смерть не повод для жизни и, тем более, для любви?
Хоть сейчас только стали прекрасны эти ранее мёртвые
дни.

Из-за клика, которому нужен, из-за воздуха пьяной ночи:
Из-за феи, которой разбужен, и её тревожной любви.

Оттого не страшен волшебник, пусть таит в темноте
смерть.

Пусть трудна любовь сказочной феи, но осталось одно
лишь – хотеть.

Хоть дорога темна по ночам, но ласкает слух нежный при-
зыв.

Весногрудой ответно стуча, сердце пьёт двух капель раз-
лив.

Лаской света и неги лучами привечают нас утра часы,
Проявляются тени за нами, провожая отлив темноты.

Отступает сон сказочной ночи, уводя за собою мечты,
Обнажая останки пророчеств оскудевшей твоей красоты.

Опахалом накрытая век, фея мёртвая вдаль уплывает,
Руслом двух растаявших рек две звезды её провожают.

И встречают тебя туманом, паволокой – прозревший твой
взгляд,

А затем умирают сами – чтобы ночью вернуться назад.

За вершину утёса забвенья отлетают ночные часы,

И лишь пятна пролитого солнца мельком вспыхнут в двух
каплях росы.

Новогодняя колыбельная

Под лопатками чувствую холод,
С Новым годом встав у ворот,
И гляжу, как кружится город –
Одиноким огней хоровод,

Уплывающий из старогодья
И плывущий в улыбку весны
Через белые снежные хлопья
Окрыленной вьюгой зимы.

Я тебе прошепчу про невзгоды,
Что закончатся скоро, созрев
В волнистые нежные всходы,
Завыванье сменив на напев.

Не согласишься мне, засыпая,
Но согласишься с гулом зимы,
Опадая – как умирая –
В глубокие белые сны.

Забывтый цветок

Ты цветочек любви забыла
На ладони раскрытой своей
И сидела, смотрела – как в книгу –
В серебристую близость полей.

Ты глазами пугливой лисички
Посылала вдаль любящий свет,
И вспорхнувшие кверху реснички
Затуманились сказкою нег.

Красота твоя хрупко звенела
Как искристый и радостный смех,
А фигурка так тонко светилась! –
Превращаясь в рождественский снег.

Ты – божественная звезда, растущая из жизни воды

Блеску навстречу ночному
Спокойному спутниц твоих
Пришла ты из ниоткуда
Молитвой усталой живых.

В бесконечности возрождая
Монологом пролитый свет,
Отражением неземного
Даришь звёздам земной ответ.

Скрадывая в улыбке
Нагую свою красоту,
Прощая себе ошибки,
А мне – мою мечту.

Очертания рук длинных
Укажут на твой же лоб,
Где сидит дивный,
Неисповеданный доселе бог.

И что, если было много
Таких же, мёртвых уже?

Тебе прошу я у Бога
Вселенское всегда и везде.

В колодце сердца бездонно
Упаду – сам как звезда.
Ты примешь меня в лоно,
Разрешишь быть с тобою всегда.

Я знаю, это навечно –
Безвременье в объятьях судьбы.
С тобой расставшись беспечно,
Навеки останемся мы.

Ночной блеск – твоё отраженье,
А ты – сама звезда,
Откуда льётся безбрежно,
Всепринимающе: да.

Край зимы бескрайней

Край зимы бескрайней, край морозной стужи
Тайною вечерней обнимает душу.
Он ласкает нежно, вьюга подвывает...
И тоской безбрежной сумрак зацветает.

Там поёт унывно ветер колыбели,
Плачут непрерывно времени качели.
Холод приглашает снами позабыться,
Льдами покрывая жухлую страницу.

Сузились мои с холода сосуды,
Из последних сил жду прихода чуда.
Призраком весны огонёк в лампадке
Бережёт мои памяти остатки.

Чаем горьким сбора сердце согреваю,
Слыша гулы хора, грезя танцем мая.
Чаю птицы пенье и цветенье трав,
Памяти кусочек у зимы украл.

Фейерверк студёный – ветром снега искры –
Прославляет чудо омертвевшей жизни.
Я устал в разлуке с милою весною,

Пусть меня распутья выведут на волю.

Пусть через туманы, пусть через стремнины –
Выйду сквозь бураны к настоящей жизни,
В край весны бескрайней, где сам бог встречает
И любовной тайной душу обнимает.

Я брожу неприкаянно

Я брожу неприкаянно как колокола язык,
Только, сколько ни бьюсь, не могу найти стен,
И, эхом дразнясь, пустота дрожит и звенит,
На опухоль сердца отзываясь гулом заржавленных вен.

Мысль рвётся и мечется под ветром высот,
Треплет мне нервы, я топчусь на ней –
Выше она не может, а чувства вперёд
Тянут с края в обрыв ошавевшей упряжкой коней.

На край голову положу словно на плаху,
Вперёд посмотрю – что за концом? и дальше?
И там бесконечность. Привычно плавит рубаху
Свечи, боли венцом отделяющей правду от фальши.

Рубит последний солнца луч тьму, бесполезно – ночь!
Я её простою, может, просплю, кое-как пережду.
Она платье новое тенью наденет на день, уплывая прочь,
Туда, где её не ждут, подправив под крыльями тьму.

Вот. Идёт. Нового дня поворот. Без конца хоровод.
Смысл бьёт мысль, а она кричит, она ни при чём.
Он забыл, что он сам всё закрутил, с болью под

Совестью, где блесит надежда с веры ключом.

Ей не на что рассчитывать – она пустая.

Теперь время такое, ты – один, от любви только след.

Сквозняк века продул, и человек всё забывает:

Сердца гул, стук колокола, предсмертный обет.

Слышишь? – птица летит, прорезая воздух телом.

Она уже долетела, раз отправилась в путь.

Теперь уже навсегда росчерк её пера – как мелом –

Останется белым в твоей синеве сиять... не уснуть.

Головой вырастаю в выси

Головой вырастаю в выси,
Ногами врастаю в корни,
Ощущаю себя частью мира,
Но что-то ещё помню.

Что-то ещё слышу –
Иногда до боли знакомое,
И тогда хочу ещё выше,
Хотя резче ощущаю безволие.

Рядом плачут птицы райские
И на ветку, бывало, присядут,
Чтобы спеть о закате красном,
Только где он всё никак не скажут.

В прошлом помню рассвет и капище,
В настоящем – себя, малого.
Хотя, впрочем, оно – настоящее –
Не так часто себя открывало уж.

Лист грядущего прорезывал
Словно гром тишину настоящего,
Предсказанием вечности с дерева

Превращаясь в непреходящее,

Отрубая своим совершеньем
Всё, что было по ту сторону,
Предлагал дорогу забвения
И чувство древнего холода.

И бежал я к себе от себя,
Не поняв для кого и зачем.
В закате грядущего дня
Пытаясь увидеть рассвет.

Впрочем вот, теперь я пришёл,
Чтобы встать до конца на ноги,
Чтоб пронзить высотой простор
И оставить земные тревоги.

Вдаль не мчусь, просто кверху расту,
Но не к солнцу – к тому, что за ним.
И теперь, если даже умру,
Всё равно останусь живым.

Головой вырастаю в выси
Хоть ногами врос в землю,
Рвусь в иную часть мира,
Под собой подминаю время.

Толкаю воздух в вены

Толкаю воздух в вены.
Заставляю бить сердце
Набатом грудные стены
И качать кровь кверху.

Глотаю холодный воздух.
За каждый вдох-выдох
Плачу мукой родов,
Сжигая кровь в своё имя.

Прессую мгновенья в вечность.
В исступленьи терзаю время
В высоту, вдоль, поперечно,
Чтоб вновь обрести любви бремя.

Толкаю сердце наружу.
Возвращаю его богу,
Который ещё дал и душу
И в ней поселил тревогу.

Расщепляю воздух взглядом.
И он дрожит и тонет,
Обнажая космос рядом,

Который меня ещё помнит.

Кольцо рву объятий здешних.

Венец человека снимаю,

Ухожу из долов грешных

В весенние муки рая.

Толкаю воздух в вены.

Набато́м быю в сердечность,

Теку из артерий плена

В доступную мне вечность.

Без тебя

Без тебя я – и без снега – белый,
Расставанье горит в сердце сине,
Память бьётся в висок левый,
Ты же в правый стучишься птицей.

Без тебя я – магнит без пары;
Горькой льётся мне мир усладой.
Рвусь безвыходно, закипаю,
В мёд отраву его превращая.

От тепла твоего живого,
Как от хлеба я соловею.
И в свободе от груза земного –
В сне небесном смеюсь и рею.

В невесомости рай струится,
Надо мною парит твой голос,
Хотя, может быть, это птицы
Разливаются песней хора.

Пью фонтан от любви всевластной,
Над собою самим взлетаю
И тебя отдаю бесстрастно,

И от жертвы от этой таю.

Знаю, будет опять биться

Мне по нервам страданье разлуки.

Но пока ты рядом, мне мнится,

Что я справлюсь с любой мукой.

Я взял твою фотографию

Я взял твою фотографию
И раскрасил цветными красками,
Чтоб она как ты стала яркою
И светила твоей звёздной ласкою.

Не далёкая и не близкая –
Даришь взглядом своим праздничным,
Сквозь туманы его смотря искоса,
Рдея старую тайной пламенно.

На изгибе улыбки искрящейся
Серебром веселятся бубенчики,
И смеются задорные мальчишки,
Озорные хохочут девочки.

Голубого венца украшение
Над убором волос манящих,
Словно в космос иной приглашение,
Переливами солнц звенящее.

А ресницы – весёлые дуги,
Ловушка для солнца и взоров –
Взмывающим взлётом упругим

Поют гимн весенних узоров.

И шея розовым стоном
Зовёт в переливы-изгибы,
Притягивая непреклонно
Могучею древнею силой.

Вздывается грудь золотая
Под мира одеждой невзрачной,
Где сердце надежду ласкает,
Готова покров новобрачной.

Твой запах струящихся лилий
Уже приглашает в покои,
Где красным, белым и синим
Ты пишешь образ героя.

Твой портрет в красках ныне
Вижу сквозь закрытые веки,
В музее мгновений жизни
Сохраняя его навеки.

Утилитарные песни

Лампочка

Лысенькая, шустрая
И жужжит под люстрой,
И мигает быстро,
Пламенея рдисто.

В дом свой привечая,
Радостно встречая,
Вспыхнет, вся залившись,
Солнцем притворившись.

Жёлтым полутоном
Монотонным, ровным
Залила полвечера –
Делать больше нечего.

Ох, и хорошо бы,
Всё б ей и смешно бы...
Только выключатель
Сильно озадачил.

Что он ей за чувства
Шлёт с разрядом тока?
Может предложение
Пообщаться тонко?

Вся горит, зардевшись,
Нимбом приодевшись.
И висит под люстрою
Пурумпушкой шустрою.

Ваза

Ваза косит ворот к горлу
И пузатит бока гордо.
Маленькая, синяя –
А какая сильная!

Поднатужилась упрямо,
Переплывно, кривно, славно,
Подбоченясь шустро,
Подцветочно пусто.

Расплылась улыбкой –
Голубой накидкой –
И надулась, и присела,
Рот разинула на небо

В полке магазинной
Жизни непрерывной.
И, гляди, приглянется,
Навсегда достанется...

Пустостоем на столе
Для цветов без неглиже,
Хохотать неслышно

С видом неприличным.

Холодильник

Холодильник, дзинь-дзинь.
Морозильник, дзинь-дзинь.
Открывайся, доставайся,
Холодрынь-дрынь-дрынь.

Откушу, отверчу,
Захочу, порычу
И от пуза – как арбуза –
Налечу, отхвачу.

Объеденье, наслажденье,
Пик всего пищеваренья!
Там варенье, там соленья,
И общенье без смущенья.

А животик-бегемотик
Перестал урчать как котик! -
Организм жуёт в оргазме,
Насыщая протоплазму.

Это ж чудо! Это ж надо!
Это ж лучше шоколада!
Всё, что нужно, положил,

А потом перекусил!

Ну, спасибо, до свиданья.

Скоро свидимся опять.

Буду вновь свои желанья,

Разморозив, утолять.

Диван

Господин диван начальник
Развалился как начальник
На полдома – не размером -
Важным видом, да примером.

Развалить нам жизнь прикажешь?
На себя прилечь поманишь?
Полежу, поскучаю –
Оторвусь по случаю.

Я же непоседа
Только до обеда
А потом я лежебока
Разбираться в делах дока.

Кладовка

Угол вешалкой прикрылся
С темнотою заодно,
Веник к швабре при-тулился,
Тряпка спряталась в ведро.

Перекладина меж стенок
Держит вверх ногами
стул,
В запасную дверь
углами
Тот протискивает гул.

Дверь загородила боком
Полпрохода изнутри.
Призадуматься заставит,
Как же выйти и войти.

Чтобы выбраться оттуда
(Если уж залез туда)
Можно разве только чудом –
СТОЛЬКО там всего добра!

Приключение такое

Ты запомнишь на века,
Где мешают сТул вис-я-ч-и-й,
Дверь, гладильная доска.

Мир обычный наш не властен
Мир кладовки поменять.
После ужина сегодня
Я туда пойду опять.

Стол и стул

Стол и стул,
И стул, и стул.
Сел, поел,
Попил, уснул.

Вот еда, вот вода,
Вот ещё и ерунда.
А на шкаф вам
Как забраться?
Стол и стул
Вам пригодятся.

Стол и стул,
И стул, и стул.
Вновь поел,
Попил, уснул.

А на стуле
Шерсти клочок:
Мой мохнатый
Кот-клубок.

Мой мордатый,

Мой пушистый,
Рыжий, тёплый
И мурчистый
Занял стул
И спит себе.
Охраняя на столе
И еду, и воду,
И вот эту ерунду.

Стол и стул,
И стул, и стул:
Вновь поел,
Попил, уснул.

ADIEU

Ты не ко мне протянешь руки,
Я не к тебе свой пыл души.
Нас ждут отчаянные муки,
Но только порознь, чёрт возьми!

А жаль! – могла б ты мне отдаться,
И я б с собой тебя унёс
Туда, где рваные матрасы,
Нас одарили б рифмой грёз.

Но нет, брести тебе по краю
И падать в пропасть чьих-то глаз,
Но не моих. На том, прощая,
Прощаюсь и с мечтой о нас.

Загадка женщины

Загадка? Печаль? Смена чувств – буря!

Утомленье, ленивая зевота, преданность глаз,
Обещанье наслажденья в саду любви.

Каприз, поворот плеч, слёзы, оскорбленье!

Снисхожденье, прощенье, благоволение.

Так и быть – терпенье, смех... и снова грусть.

Отчуждение, скука, взгляды на дорогу в окно.

Брошенность, взрыв, раскол, истерика, терзание,
Вопросы и неслушание ответов, уход в себя.

Проблески разума в глазах, слёзы всепрощенья.

Голод, еда, болтовня, весёлые повизгивания, хохот.

Прямой, тёплый, честный и искренний взгляд,

Вздых, ладонь, наклон головы, манящий запах,

Волосы, шея, вздымающаяся грудь, колодцы глаз.

Согласие, покорность, приемлющие объятия,

Поддержка во время соития, поглаживания после.

Неухоженный, растрёпанный вид, шарканье,

Поглядывания, объятия и поцелуи по-домашнему,
Поправление причёски, заигрывание с зеркалом.

Одевание, трескотня ни о чём, готовность,
Выход в магазин, выматывающий поиск товара,
Ничтожная выгода и большие траты, путь обратно.

Рассуждения о вещах, о людях, умные заключения,
Глупые заключения, молчание, погружение внутрь,
Обращение внимания на окружение, комментарии.

Позвякивание ключами, сбрасывание туфель,
Шум в туалете и ванной, разливание чая,
Звук посуды, прихлёбывание, осоловелость.

Уют на диване, притяжение тела.

Вставание с кряхтением, жалобы на множество дел,
Упрёки в отсутствии поддержки, приготовление ужина.

Искры в темноте, расположенность, чувство единства.
Воздух от дыхания, томящий аромат, обещание.

Загадка? Печаль?

Смена чувств – турбулентность.

Тяга в уют

Вечереет, и в окна туманом веет.
Сон грядущий на веки присел,
Взгляд твой томный искрой соловееет,
Уходя от обыденных дел.

Ты торчишь из себя как из куклы,
Вспоминая, что было всегда.
И одёжки ненужные трупно
Опадают – как листья – с лица.

Ты уют расценила верно,
То – обитель для света в окне.
Ну а он далеко и безмерно
Устремляется к тем, кто во тьме.

В тьме далёкой – будто снаружи –
И на свет – словно он не внутри –
Ухожу от рябиновой стужи
На твои золотые огни.

Эрато

Живёт во мне и множится
Сексуальное убожество...
И уж я на него кричу,
И уж я на него топчу!
«Уходи! – говорю, – отсюда!
И без тебя мне худо!»
А оно так едко усмехается,
Да знай себе размножается.

Твои губы целовали зефир,
Языком раздвигая его плоть.
И кружился вокруг весь мир,
Когда брала его нежно ты в рот.

Если б я воздухом был ночным,
И касался твоей кожи,
Я вошёл бы в тебя проёмом твоим,
Нежа тебя там ласково тоже,

Глядя сладость изгибов упругих,
Упираясь дыханьем эфира
В молодость глаз и чудо
Любвеобильного пира,

Я бы пел тогда в тебе песню
Героического оргазма,
Извержения стонов чудесных
И человеческой плазмы.

Покаяние

Пей-бей, рви-мети.
Ветер в поиск, я в пути.
Мне на волю больносвет,
Тянет-гложет, силы нет.

Я с тобою? За тобой.
Кто живёт с моей судьбой?
Не картинка, не портрет.
Было-будет али нет?

Сердце бешено стучит,
И по венам ветер мчит.
Молний искры – всё внутри.
Разрывается в груди.

Пей-лей, свет-ответ.
Я с тобою – горя нет.
Раз и два – конец-начало.
Было ль всё иль не бывало?

Вспомнишь? Что?
Не помнишь уж?
Сердце душит

Гадкий уж.

Я тебе навстречу впрок,
Ты мне – горестный урок.
Кто-что, боль-ноль.
Такова земная роль.

Грезит-порет, в даль уйду,
Расскажи мне что к чему.
Ты не знаешь? Ну так что ж,
Ври, и много не соврёшь.

Лейся милым просторечьем
Затухающий уют,
Скоро будет потусветье,
Нас с тобою не найдут.

Вновь-кровь. Вверх? Вниз.
Веселишься? Веселись.
Я с тобою, за тобой.
Пью обманной жизни бой.

Мне? Нет. Им? Свет.
Где? Свети. Я в пути.
Пью-рву, жгу-мечу.
Просыпаюсь – и лечу.

Да? Что? Нет? Здесь.

Я проснулся в поту весь.

Ты-мне, я-тебе.

До свиданья? До нигде.

Странничье

Поезд «Минск – Санкт-Петербург»

Хоровод недлинный вагонов
В незатейливом танце качает.
Путь-дорога рельсовым стоном
И встречает, и провожает.

Заиграв, сердце радостно вторит
Барабанов весёлому стуку
И гудку подпевает гобоем,
Открываясь как старому другу.

А полоска, разлитая лужей,
На небе сине сочится.
За спиной – то, что стало разлукой,
Предо мной – то, что будет кружиться.

За мельканьем безумного бега
Солнце брызгать едва успевает.
Сквозь стволы рядящихся елей
Мне мячами лучи бросает.

Дребезжит подстаканник мирно,
Разговаривая с ложкой.
Разобрались по полкам чинно
Незнакомцы в домашней одежке.

Заплутавший между деревьев –
Как на удочке – взгляд вынимаю.
Он же, в дикую вольность поверив,
Оборвавшись, обратно ныряет.

Там березовой нитью раскрашен
Неизвестности манящий сумрак.
Протыкая окно глазами,
Разглядеть в нём пытаюсь утро.

Сквозь пространство розовых далей,
От столицы и до столицы
Я объятья свои раскрываю –
От Петербурга до Минска.

Майский дождь в Минске

Стук дождя раздался в двери
Барабанный на крыльце,
Где каштан роняет тайну
Свечек в розовой пылице.

Шелест листьев, всплески ветра,
Погасила туча свет,
Сделав мокрой непогоды
У порога первый след.

Крыльев мокрые замашки
Серость бороздят собой.
Стонут чайки-промокашки
Неумытою тоской.

Треснет небо облачно,
Брызнет радость каплями,
И накроют майским счастьем
Волны белой скатерти.

Ливнем пелена омает,
Напоит, ошеломит.
И пречистой любовью

Будет холить и томить.

Хор природы поутихнет,
Пенье слушая дождя,
И объятия раскроет
Новобрачная земля.

Калейдоскоп

Бирюсовые серьги твои
С золотистой задоринкой в ушках
Раскачали на волнах любви
Черно-белое утро тусклое.

Чай лимонный принёс аромат,
Бутерброд золотел масляно.
Зубы белые, карий твой взгляд
Подчеркнули улыбку красную.

На цветистой накидке твоей
Прочитал как в ладонях прошлое,
Сине-чёрным взмахом бровей
Окрылённое, звёздное, пёстрое.

Серый быт, забытый в углу,
Не пугал своей беспросветностью.
Свет надежды прореживал мглу,
Зеленея побегами нежности.

Серебром на свету голубеющим
Волновались руки в прощании.
И румянец, рассветно рдеющий,

Намекал о грядущем свидании.

Часы преобразования (её ночные заповеди)

Опять, снова, вновь — одна

Порвать, бросить, остыть — два

Забыл, забуду, забыть — трёх

Ночь, тьма, мгла — четырёх

Тишина, молчанье, безмолвье — пяти

Около, рядом, почти! — шести

Нет, нету, не было... — семь

Никогда, навсегда, совсем — восемь

Назло, вперерекор, вопреки — девять

Я говорю: буду жить — десять

В гербарий

Взглядов узором, словесным мотивом,
Бульваром осенним, тенями разлитом.
Рисунков листы судьбы кружевами,
Ногами терзаясь, вскрывались краями.

С тобой разделяясь слоями одежды,
Сливались корнями напрасной надежды.
Сплетаясь беспечно руками-ветвями,
С тобой трепетали листьями-сердцами.

Два липовых сердца и клён пятернёю
Благословенье нам дали с тобою.
Не свежестью ночи, не скрипом постельным,
Но вечным своим беспредельным паденьем.

Пушистых кистей, раскрасивших небо, –
Деревьев узоров бродили мы следом.
Тропой листопада осенняя сила
В огнепоклонников нас обратила.

И липы листы, и кленовая кисть
Сухою страницей остались цвести –
В книге закрытой прозрачным решением,

В сердце прокравшимся благословеньем.

Осенью

На берёзовых аллеях тонет первый шаг
И, лилея, маковееет сквозь осенний мрак.

На кустах разбросил иней паутину грёз,
Намекая на осколки остудивших слёз.

По границе междуречья с осенью хожу,
Зимним хладом межсезонья по тебе дрожу.

И потоком стужи веет, и моросью бьёт,
Только грудь горит всё так же, и любовь цветёт.

Островок найди надежды ты во мне, весна,
Притаись здесь на полгода, подожди меня.

Новогодней суете

Снегом запорошена, в гирляндах заворожена,
Смотрит на прохожего белая судьба.
И с весёлой бодростью рисует дни пригожие
Настойчивой невинностью пушистая краса.

Её ответу празднично новогодней радостью,
Окунаясь в тёплые и добрые глаза,
Чтоб с собой не справиться и тебе понравиться,
И согреться вместе сердцем у любви огня.

Подлетая над позёмкой, и кружась с нарядной ёлкой
Славить буду холод зимний и твоё тепло.
Хоть по нраву всем придётся летом золотое солнце,
А у нас в душе сияют эти дни светло.

Взорам М

Пушистых ресниц обрамленье,
Сияющих глаз чистота,
Над зеркалом богоявления
Мерцающих век нагота.

Таящийся в неге блаженства,
Как солнце румянящий взгляд,
Сорвавшийся за совершенство
Краёв голубых водопад.

Серьёзностью строгих сугробов
Остудит твоя белизна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.